

С.Д. Юрчевский

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Политический экстремизм как неизменный спутник современных обществ обладает всеобщими на глобальном уровне, особенно на российском уровне и единичными на уровне отдельных регионов свойствами, признаками и формами проявления¹.

К всеобщим признакам политического экстремизма можно отнести, прежде всего, его внеправовой характер.

Как известно, политическая практика в своем легальном статусе регулируется, с одной стороны, международным правом, а с другой — внутренним правом отдельных стран.

Субъекты политики, действующие в рамках правового поля, традиционно подразделяются политической теорией на консервативные, центристские и радикальные. Поле политики — это в высшей степени динамичное пространство, где постоянные процессы переоценки ценностей действующими субъектами политики перемежаются с непрерывным процессом появления новых субъектов с иным набором ценностей. Центризм может качнуться влево или вправо, консерватизм — перерасти в реакцию, радикализм — в экстремизм. Реакция и экстремизм находятся за пределами правового поля политики.

Важным признаком политического экстремизма является то, что он превратился сегодня в постоянного спутника современных обществ. Это не означает, что экстремизма не было в прошлом. Политический экстремизм — ровесник политики, но в прошлых обществах, где грань между правом и произволом была сильно размыта, а международного права как всеобщего регулятора международных отношений практически не было, вычленение и идентифицирование политического экстремизма как особого общественного явления было делом достаточно проблематичным. Оно ведь и сейчас не простое.

Активные формы современного политического экстремизма сегодня у всех на слуху, но в латентном состоянии он присутствует даже в самых благополучных современных обществах.

Экстремизм как бы дремлет, поджидая удобного момента. Эрозия легитимности власти активизирует политический экстремизм.

Еще один признак политического экстремизма — это его международный характер, многие экстремистские организации превратились в глобальные сетевые структуры. Очевидно, что разрушение биполярного мира и утверждение, по сути, однополярного мирового порядка под эгидой США не дали большей безопасности народам мира и не открыли перспектив лучшей жизни для них. Международные отношения стали более нестабильными и непредсказуемыми, сила во внешней политике государств стала играть гораздо большую роль, чем даже в худшие времена «холодной войны». В глазах подавляющего большинства народов мира современная система мироустройства выглядит несправедливой, по сути, она делегитимизирована. Интернационализация политического экстремизма — очевидное следствие нелегитимной международной практики основных политических игроков на мировой арене, прежде всего Запада.

В условиях глобализации в управлении мировым политическим процессом все большую роль начинают играть наднациональные структуры и институты². Ключевая легитимная наднациональная структура в лице Организации Объединенных Наций, по сути, сегодня отстранена от принятия решений по важнейшим вопросам международной жизни, ее функции явочным порядком присвоили себе отдельные государства и региональные структуры, прежде всего США и НАТО. Кроме того, резко усилилась роль нелегитимных наднациональных структур в управлении мировыми процессами, прежде всего транснациональных компаний и медийных структур, ориентированных не на социальные интересы того или иного народа, национальные интересы той или иной страны, а на извлечение прибыли.

¹ См.: Грачев А.С. Политический экстремизм. — М., 1986.

² См.: Володин А.Г., Шириков Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис. — 1999. — №5.

Современный политический экстремизм хорошо оснащен как интеллектуально, так и инструментально. Высокий интеллектуальный уровень как признак экстремизма не является чем-то новым, родившимся только в условиях Интернета и информационной глобализации. Отцами идеологии экстремизма всегда были неординарные и даже выдающиеся люди. Можно вспомнить Прудона, Бакунина, Кропоткина, Троцкого, Муссолини, Мао, Че Гевара, Маркузе и т.д. Молодежные бунты шестидесятых годов XX в. в западных странах прошли под знаком трех «М» — Маркс, Мао, Маркузе. Хотя разрыв между бедностью и богатством и сегодня является главной причиной социальных конфликтов, тем не менее, идеологическое позиционирование на социально-классовой основе сегодня отодвинуто на второй план. Безусловно, главная причина этого в том, что во второй половине XX в. был дискредитирован в глазах угнетенных и обездоленных людей и народов коммунистический вариант социалистической идеологии, олицетворявшей в глазах сотен миллионов людей на протяжении многих десятилетий перспективу более справедливого и более безопасного мира. Но идеология не умерла, да и никогда, наверное, не умрет. Идеи, а не знания сами по себе, лежат в основе всех достижений человечества³.

По мнению многих политологов, XXI в. будет эпохой этнических и этноконфессиональных конфликтов. В начале идеологического размежевания неизбежен определенный экстремизм, что мы сегодня и наблюдаем. Экстремизм проявляется в претензии той или иной идеологии на исключительность того или иного проекта общественно-политического устройства. Но практическое проведение идей исключительности той или иной религии, той или иной нации, того или иного социального слоя невозможно без насилия по отношению к носителям другой идентичности.

Современный политический экстремизм во всех его разновидностях нацелен на формирование политического устройства общества, легитимированного исключительно ценностями одного порядка. Формой легитимации такого политического устройства выступает политический режим, где террор в отношении инакомыслия возводится в ранг справедливости. Сегодня

можно выделить три идеологических течения, оказывающих огромное влияние на мировой политический процесс и вовлекающих в орбиту своего противостояния сотни миллионов людей, — западный либерализм, исламский фундаментализм и национализм. Для каждого из этих течений характерна определенная экстремистская политическая практика.

Так, исламский фундаментализм, пришедший на смену арабскому национализму, принял сегодня на вооружение практику религиозно-политического экстремизма⁴. Ислам в глазах многих людей сегодня выступает как знамя борьбы против современного империализма, как идеология угнетенных, в силу того, что наиболее высокий потенциал социального протеста сегодня накоплен именно в мусульманском мире.

Сегодня мир также столкнулся с совершенно новым видом политического экстремизма, сформировавшегося в недрах западного либерализма и выступающего под идеями демократии. Носителями его выступают страны традиционной либеральной демократии, прежде всего США. В основе демократического экстремизма лежит все та же идея исключительности, исключительности ценностей либеральной демократии.

Все так называемые «цветные» революции, проходившие под лозунгами демократизации, — очевидное проявление этого нового вида политического экстремизма, поскольку методы и формы, которые применялись при этом, несмотря на их относительно мирный характер, находятся в явном противоречии с действующим законодательством той или иной страны. Опасность этого вида политического экстремизма заключается не только в том, что происходит нивелировка такого ключевого понятия международной политики, как суверенитет, но и в том, что подвергается насилию идея национальной государственности, основанная на традициях и ценностях того или иного народа, происходит разрушение этой государственности, а народ — носитель этой идеи — переформатируется в соответствии с принципами, истинность которых, как уже очевидно, довольно сомнительна.

Экстремистская практика современной идеологии национализма проистекает не только из исторической способности национализма легко скатываться к экстремизму, но и из глобализаци-

³ См.: Эфирова С.А. Политический радикализм: возможность реставрации и его предотвращения. — М., 1998.

⁴ См.: Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. — Махачкала, 1999.

онных процессов, которые поставили перед каждым этносом вопрос об его идентичности, о его месте в быстро меняющемся мире. Двадцатый век по праву можно считать веком национально-ренессанса, ведь никогда в прошлом столько народов не приобретало собственной государственности в столь сжатые сроки. Национализм — это идеология строительства национального государства, и в этом своем качестве она будет востребована, пока существуют этносы, не обладающие своей собственной государственностью⁵.

Экстремистский характер национализм приобретает тогда, когда этнос стремится построить этнократическое государство, т.е. такое государство, в котором данный этнос доминирует политически, культурно и языково, в котором национальными интересами являются интересы данного этноса. Другими словами, этнический экстремизм борется за государственность не для заботы о других этносах, а за возможность их подавления. В современном мире этнический экстремизм взят на вооружение, прежде всего, молодыми государствами с неустоявшейся еще национальной государственностью. Самый свежий пример — политика Грузии в отношении Южной Осетии и Абхазии. Антироссийский и антирусский тренд многих постсоветских республик имеет те же корни.

Несмотря на то, что в современном мире традиционные формы политического экстремизма, сформировавшиеся на социально-классовой основе, уступают свое место культурно-этническим формам, они, тем не менее, продолжают оказывать существенное влияние на общественно-политическое сознание современных обществ. Сторонники социально-политических и экономических подходов, как правило, стараются строить определение термина «политический экстремизм» на базе политического фактора, «экстремизм политический направлен на уничтожение существующих государственных структур и установление диктатуры тоталитарного порядка «левого» или «правого» толка⁶. Хотя общепринятое деление классического политического экстремизма на левый и правый сохраняется и сегодня, но формы проявления у них общие. Это и призывы к захвату власти, и

осуществление террористических актов, и угрозы государственным и политическим деятелям, и блокирование административных зданий, и массовые беспорядки, и многое другое.

Идеология экстремизма крайне левого толка выступает против проводимой правительством политики в области социального обеспечения, экономических, военных и других реформ и находит отражение в деятельности групп анархистов (анархо-синдикалистов), «новых левых», «пролетаристов», «экологистов», которые на практике прибегают к насильственным формам⁷.

Идеология экстремизма крайне правого толка — неонацизм, расизм, шовинизм — отличается агрессивностью своих положений, ее приверженцы призывают к полному уничтожению или запрету противостоящих сил, стремятся к установлению авторитаризма. Сегодня у большинства субъектов этого вида политического экстремизма нет еще какой-то целостной идейно-политической концепции. Пока в основе деятельности экстремистских организаций традиционного толка чаще всего лежит порыв, кратковременное действие по поводу определенных общественных институтов или событий. Но исторический опыт многих стран дает нам достаточно много убедительных примеров того, что за порывом постепенно следует и развернутое идеологическое обоснование. Если политическому экстремизму традиционного толка будет представлена возможность дальнейшего развития, особенно в условиях нарастания социально-экономических и политических противоречий в обществе, то последует не только создание идейной основы экстремизма, но и формирование его организационных структур.

Особенности политического экстремизма в России связаны с переходным характером современного российского общества. Политический экстремизм наиболее ярко обнаруживает себя именно в переходные периоды. Распространение идеологии и практики экстремизма в современных российских политических процессах является во многом реакцией на избранный самостоятельный путь развития в условиях слабости вновь создаваемых социально-политических институтов, не способных пока в полной мере обеспечить эффективное и устойчивое развитие общества. Наиболее активными и

⁵ См.: Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб., 1995.

⁶ См.: Политология. Энциклопедический словарь. — М., 1993. — С. 400.

⁷ См.: Витюк В.В., Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. — М., 1987. — С. 9.

общественно опасными видами политического экстремизма в России является радикальный религиозный фундаментализм в национальных, в основном мусульманских, регионах страны.

В мусульманских регионах России резко возросло влияние радикального исламского фундаментализма, часто срачивающегося с идеологией этнического национализма, как это было в Чеченской Республике⁸. Сегодня в России много споров о том, какой фактор более существенен для национальной идентичности — этнический или религиозный. Процессы, происходящие в исламском мире, как бы выдвигают на передний план религиозный фактор. Действительно, можно быть получеченцем и полурусским, но полумусульманином и полукатоликом быть нельзя. Стремительный рост сегодня обращений к религии не является в большей части следствием духовных исканий личности. Это, скорее акт самоидентификации в глобализационных процессах. Общая культурная идентификация, накладываясь на разную религиозную идентичность, вполне способна нивелировать межконфессиональные противоречия. Ведь религиозные различия сами по себе не являются конфликтогенными, но базой для конфликта идентичностей они могут стать и часто становятся, как это было в Югославии (Босния и Герцеговина, Косово) и в Чеченской Республике. Происходит это, если в многоконфессиональных обществах на передний план выдвигается в ущерб культурному религиозный фактор для укрепления через него гражданской (государственной) идентичности⁹.

Радикальный религиозный фундаментализм — это попытка поставить на место культурной идентичности религиозную идентичность¹⁰. Радикальный исламский фундаментализм, выдвигая на передний план религиозную идентичность, подменяя им культурного посредника между этнической и гражданской идентичностью, ведет к усилению этнического национализма мусульманских народов России, что, безусловно, также служит катализатором политического сепаратизма в России¹¹.

Северный Кавказ — это регион России, где политический экстремизм сегодня наиболее активен. Он обладает здесь рядом особенностей как по своим целям, так и по формам и методам деятельности.

Во-первых, идеологией политического экстремизма в регионе является радикальный исламский фундаментализм. Религиозный характер политического экстремизма проистекает из того, что национальная идентичность находится сегодня в расколоте состоянии. С одной стороны, здесь традиционно сильны позиции Ислама и влияние исламской цивилизации, с другой стороны — русско-европейская культура и связанный с ней образ жизни стали за годы советской власти органической частью духовного мира и быта народов населяющих данный регион.

В постперестроечные годы в результате размыва идеологического ядра русско-европейская культура потеряла тот стержень, который интернационализировал ее основные ценности.

Этот идеологический вакуум на Северном Кавказе быстро был заполнен религиозными ценностями. Столкновение двух ценностных миров не могло не привести к их поляризации, следствием чего и стал раскол национальной идентичности. Сегодня в обществе, особенно среди молодежи, можно уже реально вычленить два слоя, чьи ценностные ориентации радикально отличаются. С одной стороны, это крайне исламизированный мир, где восприняты не только духовные ценности ислама, но и образ жизни, продиктованный нормами шариата. С другой стороны, мир крайней европеизации, где культивируются не только достоинства, но и худшие образцы западного образа жизни.

Раскол идентичности неизбежно поляризует и политическое пространство республик, обремененное, ко всему прочему, коррупцией и клановостью. Парадокс религиозно-политического экстремизма заключается в том, что религия, предназначенная по своей природе усмирять агрессивные начала в человеческой природе, становится знаменем агрессии и террора против других только на том основании, что они другие. Очевидно, что это извращение гуманистической сущности религии не имеет ничего общего с ее действительной природой. Религиозная оболочка политического экстремизма, особенно когда он использует террористические методы, это не более чем мимикрия. Он может облачаться в любые идеологические

⁸ См.: Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. — М., 2001.

⁹ См.: Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. — 2002. — №4.

¹⁰ См.: Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // *Полис*. — 2002. — № 1.

¹¹ См.: Верховский А. Радикализм. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать. — М., 2002.

одежды, если они позволяют легитимировать в какой-то степени в общественном мнении их деструктивные действия¹².

Во-вторых, практикой религиозно-политического экстремизма в регионе является терроризм. Террористический характер политического экстремизма обусловлен рядом причин. Бескомпромиссность идеологического противостояния, особенно характерная для конфликтов на религиозно-этнической почве, в условиях подмоченной в прошлом легитимности политической власти в республиках региона принимает формы вооруженного противостояния различных группировок.

Укорененности террористической психологии в сознании противоборствующих сторон способствует и традиционно присущий восточному менталитету приоритет общинного, коллективного, группового в ущерб отдельной личности, индивиду. В том, что часть политической оппозиции в республиках региона взяла на вооружение террористические методы борьбы, существенную роль сыграл и политический истеблишмент. Многочисленные террористические акты в отношении политических деятелей, нераскрытые убийства, характер протекания конфликтных ситуаций между различными группировками в политической и экономической элите со всей очевидностью говорят о том, что между ними существует негласный сговор в том, чтобы не выносить суть конфликта на общественный суд, а наиболее строптивых просто уничтожить. Можно даже предположить, что некоторые группировки просто содержат террористические организации и группы как резервную армию политического давления.

Политический терроризм носит символический характер, для него акты террора — это символы возможностей и сигналы политическим структурам, которые только и могут удовлетворить цели террористов¹³. Несмотря на то, что многие исследователи убеждены в нормальном психологическом состоянии подавляющего большинства террористов, тем не менее, в терроризме на Северном Кавказе есть и некий иррациональный момент. Очень трудно объяснить то, что террористы, выходцы из дагестан-

ских семей, где традиционно сильны авторитет родителей, авторитет старших, с абсолютным пренебрежением относятся к их мнению, для них не существует авторитета не только религиозных духовных лидеров, но не существует и родительского.

В-третьих, объектами политического терроризма в регионе оказались государственные, прежде всего правоохранные структуры. Обычно терроризм избирает в качестве объекта гражданское население. Ведь цель терроризма — напугать, деморализовать, внести хаос, сея тем самым сомнения в возможностях политической власти обеспечить их безопасность. Ситуация в регионе в этом плане в последние годы радикально изменилась. По сути, идет война правоохранных органов и террористического подполья. А гражданское население достаточно равнодушно наблюдает за этим. У него нет сочувствия к террористам, но нет сочувствия и к правоохранным органам. Бесчеловечные акты против гражданского населения в Буйнакске и Каспийске окончательно сорвали с террористов маску борцов за справедливость. В то же время правоохранные органы, служба в которых стала для многих особым видом частного бизнеса, не пользуются ни уважением, ни авторитетом. А авторитет силы и пути его использования формируют не слишком лестное мнение и о профессиональных качествах служителей охраны порядка. Указанная особенность политического терроризма говорит о том, что он пытается легитимизировать свои действия в глазах населения, представляя их как действия повстанческих сил. Если объектами терроризма выступают гражданское население и гражданские объекты, то цель повстанческих сил — государство и государственные структуры.

В-четвертых, важным признаком политического экстремизма и его террористического подполья в регионе является его молодежный характер. Свою роль здесь играют и обычный максимализм, присущий молодежной среде, и массовая маргинализация населения, являющаяся следствием резко усилившихся в последние десятилетия миграционных потоков с горных районов на равнину, в результате чего происходит конфликт не только ценностей, но и норм поведения, сформировавшихся в разных культурных средах, и отсутствие в обществе нормальной религиозной культуры, деформированной за десятилетия атеистического про-

¹² См.: Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. — М., 2004.

¹³ См.: Устинов В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. — 2002. — № 5.

шлого, и социальная безысходность, не позволяющая многим молодым людям, обладающим хорошими профессиональными знаниями, определиться со своим социальным статусом, и глубоко ущемленное чувство социальной справедливости. Все эти факторы усугубляются еще и тем, что доля молодежи в составе населения давно перешагнула двадцатипроцентный порог, обычно считающийся критичным даже для стабильных обществ. Сегодня мы еще не знаем, какое поколение родилось и выросло за последние пятнадцать лет. Им еще только предстоит вступить в активную жизнь. Но мы уже видим, насколько они подвержены экстремистским веяниям, насколько манипулируемо их сознание. Поведение этого поколения с позиций сегодняшнего дня непредсказуемо, как непредсказуема и та новая культурная реальность, которую они создадут.

В-пятых, характер политического экстремизма в регионе определяется и тем, что у нас еще очень живучи догосударственные формы общественной жизни, которые выливаются, прежде всего, в неуважение к закону¹⁴.

В современном обществе республик Северного Кавказа догосударственные формы имеют самую различную конфигурацию и бытуют практически во всех сферах общественной жизни — экономике, социальной структуре, политике, духовности и нравственности. В экономике — формирование кадровой политики хозяйственных структур по принципам землячества, родства или национальности не только в частном, но и в государственном секторе, укоренившееся представление о государственной собственности и государственных экономических интересах как чуждых не только для отдельного человека, но и для многих представителей предпринимательского слоя общества, а также вытекающая отсюда массовая коррупционная психология, укоренившаяся как норма выживания в условиях государственности, выступающей как нечто внешнее, а не имманентно присущее.

В-шестых, политический экстремизм в республиках региона во многом подпитываются характером политического режима, сформировавшегося и мало изменившегося за годы института президентства. Современные полити-

ческие режимы по своему содержанию являют собой образцы управляемой плебисцитарной демократии или патронального президентства, легитимированной поддержкой этнически окрашенной кланово-олигархической социальной структуры. Очевидно то, что правящая элита дифференцирована по клановому признаку, где патриархально-семейные черты сочетаются с неким подобием современных политических организаций. В условиях развитого гражданского общества через развитие горизонтальных связей очень высока вероятность перерастания этих «подобий» в нормальные политические организации. При незрелом же гражданском обществе эти кланы и организации ориентированы не по горизонтали, а по вертикали, то есть на государственную власть.

В-седьмых, важнейшим фактором роста протестных настроений в обществе является отсутствие обратной связи между обществом и властью. Отсутствие такого диалога приводит к тому, что социальный протест начинает принимать внеправовые формы. Диалог есть следствие и отражение согласия всех сторон в том, что и власть, и оппозиция должны играть на политическом поле по единым правилам. Всякие исключения из правил приводят к тому, что формируется внесистемная оппозиция со всеми вытекающими отсюда социально-политическими издержками.

Духовность нашего общества сегодня реально исковеркана. Столкновение традиционалистского сознания, цепко держащегося за прошлое, и нового модернистского сознания рождает духовные катаклизмы, стимулирующие деструктивное поведение. Очевидно, что проблема духовной безопасности не может быть решена без реформирования существующих общественно-политических институтов и формирования культуры, открытой к бесконфликтному восприятию иных ценностей. Ведь в конечном итоге в существовании экстремизма виноваты не экстремисты, а общество, в котором этот экстремизм формируется, и власть, которая своим некомпетентным руководством дестабилизирует общество.

Очевидно, что полностью искоренить политический экстремизм из жизни современных обществ невозможно. Но стабильные общества давно научились противодействовать экстремистской практике и минимизировать его проявления. Главное на этом пути не только у-

¹⁴ См.: Юсупова Г.И. Дагестан в новом геополитическом пространстве: конструктивный потенциал и конфликтогенные факторы. – Махачкала, 2007.

верждение на практике принципов социальной справедливости через преодоление разрыва между бедными и богатыми, но и формирование

легитимной политической системы, воспринимаемой как справедливой не только властью, но и населением.

Библиографический список:

1. Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. — Махачкала, 1999.
2. Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. — М., 2004.
3. Грачев А.С. Политический экстремизм. — М., 1986.
4. Витюк В.В., Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. — М., 1987.
5. Володин А.Г., Шириков Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис. — 1999. — №5.
6. Верховский А. Радикализм. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать. — М., 2002.
7. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. — М., 2001.
8. Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // Полис. — 2002. — № 1.
9. Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб., 1995.
10. Политология. Энциклопедический словарь. — М., 1993.
11. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. — 2002. — №4.
12. Устинов В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. — 2002. — № 5.
13. Эфиоров С.А. Политический радикализм: возможность реставрации и его предотвращения. — М., 1998.
14. Юсупова Г.И. Дагестан в новом геополитическом пространстве: конструктивный потенциал и конфликтогенные факторы. — Махачкала, 2007.

References (transliteration):

1. Arukhov Z.S. Ekstremizm v sovremennom islame. Ocherki teorii i praktiki. — Makhachkala, 1999.
2. Antonyan Yu.M., Davitadze M.D. Etnoreligioznye konflikty: problemy, resheniya. — M., 2004.
3. Grachev A.S. Politicheskiy ekstremizm. — M., 1986.
4. Vityuk V.V., Efirov S.A. «Levyuy» terrorizm na Zapade: istoriya i sovremennost'. — M., 1987.
5. Volodin A.G., Shirikov G.K. Globalizatsiya: istoki, tendentsii, perpektivy // Polis. — 1999. — №5.
6. Verkhovskiy A. Radikalizm. Gosudarstvo protiv radikal'nogo natsionalizma. Chto delat' i chego ne delat'. — M., 2002.
7. Gadzhiev K.S. Geopolitika Kavkaza. — M., 2001.
8. Kudryashova I.V. Fundamentalizm v prostranstve sovremennogo mira // Polis. — 2002. — № 1.
9. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. — SPb., 1995.
10. Politologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'. — M., 1993.
11. Pain E.A. Sotsial'naya priroda ekstremizma i terrorizma // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. — 2002. — №4.
12. Ustinov V. Ekstremizm i terrorizm. Problemy razgranicheniya i klassifikatsii // Rossiyskaya yustitsiya. — 2002. — № 5.
13. Efirov S.A. Politicheskiy radikalizm: vozmozhnost' restavratsii i ego predotvrashcheniya. — M., 1998.
14. Yusupova G.I. Dagestan v novom geopoliticheskom prostranstve: konstruktivnyy potentsial i konfliktogennyye faktory. — Makhachkala, 2007.